

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

ВОССТАНИЕ МУКАННЫ — ДВИЖЕНИЕ ЛЮДЕЙ В „БЕЛЫХ ОДЕЖДАХ“

Земледельческое население Мавераннахра в подавляющем большинстве своем согдийское, жило в укрепленных поселениях, которые по типу топографической структуры восходят в своем генезисе к глубокой древности, к укрепленным городкам,¹ упоминаемым историками похода Александра Македонского. В отношении типа земледельческих поселений Хорезм имел свои особенности сравнительно с территорией Согды. В Хорезме земледельцы не знали селений, а располагались отдельными укрепленными усадьбами.² Жили земледельцы большими патриархальными семьями. В состав такой семьи, кроме ближайших родственников, входили и полузависимые члены — кедиверы,³ и рабы, и рабыни; все они работали в различных областях хозяйства семьи. К приходу арабов патриархальная семья богатого землевладельца-дехкана по структуре своей мало чем отличалась от семьи обыкновенного земледельца. Разница была скорее количественная, чем качественная. Классовое расслоение разрезало патриархальную семью на свободных, с одной стороны, на полузависимых и рабов, с другой. Расслоение патриархальной семьи происходило, главным образом, за счет увеличения категории кедиверов, а также за счет увеличения издольных аренд в обработке земли, что иногда означало одно и то же.

Начавшийся процесс расслоения свободной части рядовой согдийской патриархальной семьи выбрасывает в разряд зависимых все большее количество людей.

В Согде, как и в других частях средне-азиатского и передне-азиатского востока, повидимому, не знали крупного хозяйства, основанного на рабском труде. Нам неизвестно ни одного источника, который упоминал бы о латифундиях, обрабатываемых рабским трудом. Хозяйство было парцеллярное. К сожалению, для рассматриваемого нами времени мы в отношении Мавераннахра не располагаем такими данными, какие мы имеем по этому вопросу для Ирана, Ирака и других областей.

Можно предположить, что крупные землевладельцы-дехканы дробили свою землю на мелкие участки и раздавали их земледельцам на основе издольных аренд из $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ урожая и т. д. Издольщиком мог быть упомянутый выше кедивер, получивший свободу раб, а то и просто раб, посаженный на землю.

¹ Арриан. Анабасис Александра. Ташкент, пер. Н. Коренькова, кн. III, гл. XXX, стр. 139. Agriani Anabasis. Изд. Teubner. Лейпциг, 1876, кн. III, гл. 30, стр. 145.

² С. П. Толстов. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма. „Вестн. др. ист.“, 1946, стр. 98.

³ Нершахи, литография. „Новая Бухара“, 1904, стр. 8, перс. текст.

Арабское завоевание внесло огромные изменения в социальную жизнь согдийского общества. В результате долгой борьбы арабам удалось привлечь к себе высшие слои дехканства и сделать их своими верными слугами, сохранив за ними их земли и другие богатства. Основная масса согдийского населения должна была платить джизью (подушную подать) и харадж (земельный налог). При Омейядах не было еще четкой податной терминологии и оба эти термина употреблялись то в одном, то в другом из приведенных значений. Наряду с этим терминами мы встречаем в источниках еще слово „вазифа“ (мн. ч. вазиф), употреблявшееся для обозначения дани, хотя „вазиф“ употребляется иногда в смысле „подати вообще“. Мы не знаем, к сожалению, как взимался харадж, и в каком количестве. Можно только предполагать, опять по аналогии с Ираком и Ираном, что харадж взимался в форме „мукасама“ т. е. определенной доли урожая, в размере примерно $\frac{1}{3}$.

Более всего страдало от хараджа и джизьи земледельческое население страны, отдавшее огромную долю своего сельско-хозяйственного продукта и испытывшее на себе все насилия, связанные с приемами взимания налогов. Ат-Табари, описывая события 721—722 гг., рассказывает об одной карательной экспедиции в окрестностях Ходженда. Наказанию были подвергнуты земледельцы ряда селений. Говоря о жестокостях арабов, ат-Табари попутно замечает, что на шеях этих земледельцев были печати.¹ Ат-Табари несколько раз говорит о такого рода печатях в Средней Азии. Так, согласно его словам, Асад ибн Абдаллах, наместник Хорасана и Мавераннахра в 735—738 гг., накладывал печати на шеи людей, подлежащих джизье.² Подобные замечания ат-Табари указывают на то, что арабы в Средней Азии очень рано ввели жестокий обычай наложения печатей на плательщиков хараджа и других налогов. В этом отношении Средняя Азия и Мавераннахр не составили исключения из числа других покоренных арабами стран. По словам Абу Юсуфа Якуба, в его время, т. е. в конце VIII в., в Ираке арабские чиновники „печатали на их шеях (возделывателей полей) свинцовые пломбы“.³ У того же автора в „Китаб ал-харадж“ имеется следующее место — обращение автора к халифу Харун-ар-Рашиду (786—809): „Сверх того надлежит тебе, чтобы ты накладывал печати на выи их (плательщиков) во время собирания поголовной подати, пока не закончится с их стороны их дело, потом ты сломаешь печати, подобно тому как это сделал с ними Осман ибн Хунейф“.⁴ Кроме джизьи, хараджа и других налогов, на земледельческом населении лежали тяжелые натуральные повинности.

Нам совершенно неизвестно, как проводились в доарабское время большие работы по очистке и проведению каналов, по проведению новых дорог, починке старых, постройке мостов, городских стен, укрепленных стен против кочевников и т. д. Повидимому, здесь большую роль играл рабский труд. Не исключена возможность, что сельские общины, которыми и были упомянутые выше согдийские укрепленные селения, выделяли определенные контингенты людей на оросительные работы. Однако в источниках это ни прямо, ни косвенно не отражено. Картина становится значительно более ясной в период арабского завоевания, когда все названные выше работы становятся натуральными повинностями всего земледельческого населения в целом. Население должно было являться со своими харчами и инструментами

¹ Ат-Табари, II, 1445—1446.

² Ат-Табари, II, 1920.

³ А. Якубовский. Ирак на грани VIII—IX вв., стр. 43.

⁴ Ук. соч., стр. 44; Абу Юсуф Якуб, арабск. текст, изд. Булак, стр. 60.

и в положенные властью сроки производить бесплатно указанные ему работы.

Совершенно ясно, что вместе с арабским завоеванием земледельческое население страны потеряло свою свободу и попало в зависимость от арабской власти. Если в доарабское время классовое расслоение шло через патриархальную семью, разрезая ее на две части, то теперь оно изменило свое направление, и вся свободная часть земледельцев также попала в разряд подлежащих наложению печатей. Аристократическая часть дехканства, ее крупные землевладельческие фамилии стали почти в один ряд с завоевателями-арабами и сделались если и не первой категорией граждан, то во всяком случае привилегированными. Эти перемены не могли не отразиться и на структуре патриархальной земледельческой семьи. В ее состав теперь уже перестали входить кедиверы, тем более рабы; обе эти категории остались только в составе патриархальной семьи землевладельческой знати.

Огромную роль в установлении арабской власти в Мавераннахре играл ислам. В исламе арабские завоеватели видели силу, которая объединяла их одним мировоззрением, давала правила их поведению в мирное и военное время; узаконяла военные грабежи под видом законной добычи, нормы распределения которой в виде „суры ганимат“ (сура о добыче) даны были в Коране. Вместе с исламом шло распространение арабского языка, шла арабизация, если не широких масс, то во всяком случае правящих кругов, так как арабский язык становился языком государственных канцелярий, науки и литературы. Вместе с военными отрядами шли в походы и проповедники ислама.

Большое значение арабские военачальники придавали постройке в завоеванных городах мусульманских мечетей. В ряде случаев арабы второпях даже не строили специально новых зданий для мечетей, а приспособляли под них бывшие в городах зороастрийские или христианские, в большинстве своем несторианские, храмы. Так было в Бухаре, Самарканде, Мерве и других городах Мавераннахра да и Средней Азии в целом.

В Бухаре первая мечеть устроена была в захваченном кухендизе, для чего Кутейбой была перестроена в 713 г. бывшая здесь бутхана, как об этом пишет Нершахи.¹ Впоследствии, при втором аббасидском халифе ал-Мансуре (754—775) в 770 г. мечеть была перенесена на участок между кухендизом и шахристаном, для чего было выстроено специальное здание. По словам автора „Кандии Малой“, первая соборная мечеть в Самарканде была „во время неверных их капищем и местом поклонений“.² Это же подтверждает и ат-Табари, говоря о событиях завоевания Кутейбой Самарканда в 712 г.

Распространение ислама шло успешнее в городах, особенно в больших административных и торговых центрах, как Бухара и Самарканд, хотя и там имелись круги, активно противодействовавшие пропаганде мусульманства. В городах арабы имели более всего основания рассчитывать при распространении ислама на ту часть дехканства, которая перешла к ним на службу. Однако многие из них были только наружно мусульманами, в душе же оставались „кафирами“. Бухархудат Тахшада, например, собиравшийся стать тестем Наср ибн-Сейяра — наместника Хорасана, во всем поддерживал арабов, а молитвы по-мусульмански не хотел, и после смерти его похоронили согласно

¹ Нершахи, изд. Schefer, стр. 47.

² Кандия Малая, пер. В. Л. Вяткина, Справочная книга Самаркандской области, 1905, стр. 250.

зороастрийским местным обычаям.¹ Один из его сыновей Кутейба некоторое время был мусульманином и поддерживал аббасидов и Абу Муслима в их борьбе против восстания Шарика в Бухаре в 750—751 гг.; однако потом отошел от ислама и был убит по приказанию Абу Муслима. Другой сын Тахшады, Буниат, примкнул к движению Муканны и также погиб насильственной смертью. Большинство земледельческой дехканской аристократии даже после прекращения борьбы с арабами медленно и туго воспринимало новую религию.

Больше успеха имел ислам среди купцов. Немало их пришло в Мавераннахр вместе с арабами. Это были или арабские купцы, или недавно обращенные в ислам купцы из иранцев. Много местных купцов переходило в мусульманство в связи с тем, что арабы предоставляли торговле, в частности караванной торговле, большие льготы для ее развития. Торговым операциям и их расширению не мог не содействовать и тот факт, что Мавераннахр вместе с остальной Средней Азией включен был в самое большое тогда в мире государство — халифат. Однако даже в среде купцов были группы, энергично противившиеся принятию ислама. Широко известен классический пример с кешкушанскими купцами, которые жили в замках, вне города. Согласно Нершахи, они не ходили на пятничную молитву в соборную мечеть, а придерживались зороастризма. Однажды мусульмане подошли к воротам замков и стали убеждать обитателей пойти на пятничный намаз. В ответ на это с крыш замков полетели камни. Вокруг собралась огромная толпа мусульман, и началось настоящее сражение, в результате которого много замков было разрушено и разграблено.²

При насаждении новой религии прибегали к самым разнообразным приемам. Нершахи рассказывает, что Кутейба ибн Муслим приказывал, чтобы все население Бухары посещало пятничное моление в соборной мечети. Устанавливалась даже награда пришедшим. Каждому выдавалось по два дирхема. Некоторых бедняков можно было привлечь этой наградой, — на это и рассчитывали, вводя такое мероприятие.

Принимали ислам и многие ремесленники в городах, хотя и в их среде новая религия встретила противодействие, особенно в среде манихейских общин.

Так или иначе, но города Мавераннахра постепенно шли по линии исламизации, хотя во многих слоях города принятие новой религии было только внешним. Значительно медленнее распространялся ислам за пределами городов, в среде дехкан, и особенно среди простых земледельцев. Земледельцы тесно связывали распространение ислама со всей системой эксплуатации, установившейся в халифате, и на то и на другое отвечали широкими народными движениями. VIII век в Мавераннахре не может быть понят вне изучения этих движений, так как они являются главными фактами истории Мавераннахра в эту эпоху. Если иногда согдийские земледельцы, как это имело место при ал-Ашрасе (727—729), и принимали ислам, то делали это только наружно и исключительно в целях освобождения от хараджа и джизьи.

Согдийцы возлагали, как известно, большие надежды на аббасидское движение, особенно в годы когда во главе борьбы против омейядов стоял популярный Абу Муслим. Им казалось, как и населению восточной половины Ирана, что с падением омейядской власти кончатся привилегии и насилия арабов. Эта вера в дело аббасидов,

¹ Нершахи, рукоп. ГПБ УзССР, №2110, л. 536; он же, изд. Schefer, стр. 60 пер. Н. Лыкошина, стр. 80.

² Нершахи, литограф. изд. „Новая Бухара“, 1904 г. стр. 62, перс. текст, пер. Н. Лыкошина, стр. 64.

особенно когда во главе его встал Абу Муслим, была настолько велика, что земледельческое и городское население Хорасана и Мавераннахра энергично поддерживало Абу Муслима. По словам Абу Ханифы ад-Динавери, „спешно двигались к Абу Муслиму люди из Герата, Бушенджа, Мерверуда, Талакана, Мерва, Несы, Абиверда, Туса, Нишапура, Серакса, Балха, Саганиана, Тохаристана, Хутталяна, Кеша, Несефа. Все они сошлись на том, что красили в черный цвет (свое) платье. Красили они также половинки деревянных палиц (палок), которые были с ними и которые назывались «черные палки». Приезжали (эти люди) на лошадях, ослах, шли пешком, погоняя своих ослов и покрикивая на них... и было их числом 100 000 человек“.¹

Победа аббасидов обманула, однако, надежды широких народных масс Хорасана и Мавераннахра. Новая династия в лице первых двух своих халифов ас-Саффаха (749—754) и ал-Мансура (754—775) не выполнила ни одного из обещаний, которые давали народным массам аббасидские эмиссары в Ираке, Хорасане и Мавераннахре в подготовительный, пропагандистский период их деятельности. Земледельческое население не дождалось ни уменьшения хараджа и других налогов, ни снижения натуральных повинностей, не выполнено было данное аббасидами обещание не проводить новых каналов, не строить в таких размерах, как прежде, новых дворцов и т. д.

С первых же дней прихода к власти аббасидской династии стало совершенно ясно, что все эти обещания народу были даны аббасидами для того, чтобы использовать силу народного гнева против омейядов. Аббасидская власть со своим богатым и пышным двором, со своими бесплодными войнами против Византии обходилась народам халифата еще дороже, чем омейядская. Порвав с народными массами, аббасиды тем решительнее связали себя с землевладельческой иранской, в том числе и согдийской, аристократией. И не случайно, что первые аббасиды выдвинули Халида ибн Бармака, крупнейшего земельного собственника из Балха, где его предки были главными священнослужителями буддийского храма. Ас-Саффах и ал-Мансур всячески подчеркивали свою связь с иранской аристократией, выдвигая ее представителей, наряду с арабами, на высшие государственные должности в халифате, чего не было раньше. В связи с этой именно политикой, а также с известной ненавистью к памяти омейядов, стоит перенесение столицы на новое место, во вновь отстроенный город Багдад.

Народы халифата, особенно его восточных областей, скоро убедились, что напрасно проливали кровь за аббасидов.

Ярче всего это разочарование народных масс в первые же годы аббасидской власти обнаружилось в Мавераннахре в Бухаре и ее окрестностях. Не успела еще закончиться борьба с омейядами, как в Бухаре в 133 (750—751) г. началось настоящее восстание против аббасидов² и Абу Муслима,³ во главе которого стоял Шерик ибн Шейх ал-Махри, по происхождению араб. Согласно Нершахи, Шерик был шиитом и представлял собой оппозицию омейядам именно по этой линии.

Восстание Шерика имело некоторый отклик и в Самарканде; во всяком случае Зияд ибн Салих тотчас же после расправы с Шериком выступил против Самарканда, где и разбил остальных врагов аббасидов и Абу Муслима.

¹ Абу Ханифа ад-Динавери, стр. 359—360.

² Нершахи. Рукоп. ГПБ УзССР, № 2100, л. 536, сл., пер. Н. Лыжишина, стр. 81—82.

³ Ат-Табари, III, стр. 74.

Восстание Шерика в Бухаре, как ни трагичен был его конец, было грозным предостережением для новой династии, которая с первых шагов своей политической жизни проявила к народным массам глубоко враждебное отношение.

Убийство Абу Муслима как бы послужило сигналом к ряду восстаний против аббасидов на востоке и северо-востоке халифата. Первым по времени является движение Синбада или Сунбада (так же Сумбада), вспыхнувшее вскоре после убийства Абу Муслима в том же 755 г. в Хорасане в г. Нишапуре. Сунбад захватил Нишапур, Кумис и Рей. Здесь он забрал казну Абу Муслима, которую тот оставил в Рее, отправляясь в свой хаджж. Халиф Абу Джафар ал-Мансур отправил Джахура ибн Маррара ал-Иджли во главе 10-тысячного отряда для подавления восстания. На краю пустыни между Хамаданом и Реем войско Сунбада было разбито и бежало. До 6 тыс. человек было убито воинами Джахура во время бегства разбитого войска Сунбада. Вскоре был убит и вождь восстания Сунбад. Движение Сунбада продолжалось всего 70 дней.¹

Войско Джахура ибн Маррара ал-Иджли, физически уничтожив около 10 тыс. человек, не убило идей, которыми руководились последователи Сунбада. Напротив, несмотря на свою неудачу, движение это послужило толчком к новому, на этот раз действительно грандиозному народному восстанию, которое вошло в историю с именем движения „людей в белых одеждах“, или движения Муканны. Произошло это восстание через 30 приблизительно лет после выступления Сунбада. На этот раз восстание охватило самое сердце Мавераннахра, территорию Согда, т. е. всю долину Зарафшана и Кашка-дарьи, причем отголоски движения имели место в долине Илака и в Шаше. Без учета идеологии, которая питала наиболее активные элементы народных движений VIII в., нельзя их полностью понять. Во всех этих движениях огромную роль играли маздакиты, известные под именем хурремдинов, хурремитов, мухаммира и сурхалем.

Жестокое подавление маздакитского движения сыном Ковада (488—531) Хосровом Ануширваном (531—579), еще в царствование его отца в 528 г., не убило идей маздакизма. В исторической литературе записано предание о бегстве жены Маздака Хурраме в Рей, где она вела усиленную маздакитскую пропаганду. Так по крайней мере рассказывает об этом Низам ал-Мульк в своем „Сиясет Намэ“.² Отсюда маздакиты отправились в Хорасан и Мавераннахр. Тогда же часть маздакитов перебралась на север Ирана и в Азербайджан.

Аш-Шахристани³ рассказывает, что маздакиты разделяются на несколько сект: Абу-Муслимийя, ал-Маханийя, ал-Кудакийя и ал-Аспиджамакийя. Первые два течения были распространены в Ахвазе, Фарсе, Шахрузе, а ал-Аспиджамахийя и ал-Кудакийя в Согде, Самарканде, Шаше и Илаке.

Следует остановиться на двух из этих сект: ал-Аспиджамакийя и ал-Абу-Муслимийя. В лице первой мы имеем в переводе на русский язык „людей в белых одеждах“, каковым именем называли участников восстания Муканны. Что же касается секты Абу-Муслимийя, которая была распространена в указанных выше областях Ирана, то она,

¹ Ат-Табари, III, 120. См. также: Низам ал-Мульк. Сиясет-Намэ. Изд. Schefer, перс. текст, стр. 182—183. В рассказе Низам ал-Мулька имеются фактические ошибки, однако ценность его в том, что он хорошо вскрывает идеологическую сторону движения.

² Низам ал-Мульк. Сиясет-Намэ. Изд. Schefer, перс. текст, стр. 182.

³ Аш-Шахристани, изд. Cureton, 1846, стр. 194.

естественно, связана с маздакитской идеализацией Абу Муслима. Здесь мы видим замечательный пример того, как человек, при жизни не бывший маздакитом (иначе он не стоял бы во главе аббасидского движения), после его трагической кончины был отнесен народным сознанием к числу наиболее ярких вождей маздакитского движения и сделан маздакитом. Идеи „людей в белых одеждах“ (асфиджамаган) распространились в Согде повидимому еще в VI в. На протяжении всей своей истории, начиная со времени разгрома движения Маздака в 528 г., маздакиты не решались выступать открыто под своими собственными именами, скрываясь в Средней Азии и в до-арабское время, да и долгое время при арабах, в манихейской среде. Общины последних находились во многих городах Средней Азии, особенно в Согде. Известно, что манихейство захватило даже тюрок, которые познакомились с ним в Китае в VIII в., т. е. уже в период арабского завоевания Средней Азии.

По словам ан-Надима, большое, повидимому последнее, переселение манихеев в Мавераннахр произошло уже при халифе Муктадире (908—932). Тот же автор говорит о большой манихейской общине в Самарканде, где их насчитывалось 500 человек.¹ Наличие манихеев в Самарканде отмечает и „Худуд ал-Алем“ — сочинение, написанное на персидском языке в конце X в. Согласно последнему, в Самарканде была ханака манихеев, называвшихся там нигошаками.² Интересно, что даже ал-Бируни, автор XI в., отмечает, повидимому, последних в его время манихеев в Самарканде.³

Среди манихеев было немало сочувствующих учению Маздака, почему и сами маздакиты охотно находили себе приют в их среде. В Мавераннахре многие маздакиты были известны и под термином „зиндик“. В свое время слово это было предметом научного обсуждения и породило целую литературу. Об этом термине писали С. Ф. Ольденбург, Б. Р. Розен и др.⁴ Согласно их взглядам, термин „зиндик“ применялся к зороастрийцам и даже буддистам. Прилагался часто термин „зиндик“ и к маздакитам, как это имеет место в Китаб ал-агани,⁵ ал-Хварезми,⁶ ат-Табари⁷ и других авторов. Весьма характерно, что с зиндиками сблизил ал-Макдиси⁸ и „людей в белых одеждах“, которые, как мы увидим ниже, в огромном большинстве своем были маздакитами.

В VIII и IX вв. в Хорасане, Северном Иране и Азербайджане, так же, впрочем, как и в других местах Ирана, маздакиты выступали, как мы уже видели, под именами хурремдинов, хурремитов, мухаммира и сурхалем.

Нельзя пройти мимо двух последних терминов, из которых первый „мухаммира“⁹ — арабский, означает „одетый в красное“, второй „сурхалем“¹⁰ — персидский, что значит „краснознаменщик“. Едва ли это не первый случай в мировой истории упоминания в столь раннее время красного цвета и даже красного знамени как символа народного

¹ Ан-Надим. Фихрист. Изд. Flügel, стр. 337; В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 44; без ссылки на страницу источника.

² Рукоп. Туманского „Худуд ал-алем“, л. 23а; В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 44.

³ Ал-Бируни. Хронология. Англ. пер. Sachau, 1879, стр. 191.

⁴ ЗВО, VI, стр. 336—340, IX, 290.

⁵ Китаб ал-агани, VIII, стр. 63—64.

⁶ ал-Хварезми, Мафатих ал-улум, стр. 37.

⁷ ат-Табари, т. I, стр. 888—889; здесь Ковад, взявший сторону Маздака, назван „зиндиком“.

⁸ BGA, III, 323.

⁹ О термине „мухаммира“ см.: Абу-Ханифа Динавери, стр. 382, ат-Табари, III, стр. 493, сл.

¹⁰ О термине „сурхалем“ см.: Низам ал-Мульк, изд. Schefer, 199.

восстания, участники которого готовы были ради освобождения пролить свою кровь.

Под перечисленными выше именами мы опять встречаем маздакитов, действовавших в новой исторической обстановке. В общем они придерживались основных положений учения Маздака, которые ясно и вместе с тем очень кратко изложил аш-Шахристиани в своем „Китаб ал-милаль ван-нихаль“, со ссылкой на некоего ал-Варрака.¹

Маздакиты в учении о первоосновах всего сущего были близки ко взглядам большинства манихеев. Однако кое-что было у них и отличное от манихеев. На этом и останавливается аш-Шахристиани. Маздак учил, что в дуалистическом миропонимании „свет“, как одна из основ всего существующего, действует по целям и свободной воле, а „мрак“, как вторая основа, действует наощупь и по слепому случаю. Отсюда „свет“ является источником знания и чувств, а „мрак“ — незнания и внутренней слепоты. Согласно Маздаку, смешение „света“ и „мрака“ приводит к потере способности действовать по плану и свободной воле.² Практически это означает, что человек, поступивший плохо, т. е. прикоснувшийся к „мраку“ (злу), теряет свободу воли и способность действовать по целям.

Маздак запрещал людям взаимную вражду, взаимную ненависть, убийство, считая их делом „мрака“.³ По учению Маздака, все зло в отношениях между людьми происходит из-за имущества и женщин. Для устранения этого зла необходимо сделать имущество и женщин общим достоянием, подобно тому как люди сообща пользуются водой и огнем.⁴

Чтобы освободить людей от зла, Маздак разрешал иногда убивать людей зла, считая, что зло на земле, в том числе и социальную несправедливость, устранить возможно лишь насильственным путем. Весьма характерно, что Маздак, требующий социальной справедливости, правда, наивно и весьма примитивно трактуемой, прекрасно понимал, что установить ее мирным путем невозможно, что он и старался философски обосновать.

Учение Маздака было в основном воспринято и неомаздакитами VIII—IX вв. По словам одного из знатоков религиозных сект на средневековом востоке Мутаххара ал-Макдисси, автора Хв., хурремиты избегают проливать кровь, за исключением тех случаев, когда поднимают знамя восстания против угнетения.⁵

До настоящего времени движение Муканни не было предметом научного исследования. Даже в классическом труде В. В. Бартольда „Туркестан в эпоху монгольского нашествия“ Муканне отведено меньше двух страниц. В труде Ed. Browne „A Literary History of Persia“ (I т., изд. 1902 г., стр. 318—323.) Муканне также посвящено несколько страниц. Однако здесь говорится о Муканне только как о вероучителе, причем самый главный источник о Муканне — Нершахи — даже не упомянут. Ed. Browne не дает ни изложения событий, ни тем более их анализа. Правда, за последнее время тема эта привлекала к себе внимание многих историков, однако была излагаема лишь в порядке популяризаторском.

¹ Аш-Шахристиани, стр. 193.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Здесь сказывается, повидимому, отголосок отдаленного прошлого, когда господствовали порядки группового брака. Не исключена, однако, возможность, что враги маздакизма оклеветали маздакитов, приписывая им подобный взгляд на брачные отношения и женщину. Ведь нельзя забыть, что все источники, дошедшие до нас, враждебны маздакитам.

⁵ Motahhar el-Maqdisi, ed. Huart, IV, арабск. текст, стр. 31.

Главными источниками для изучения истории восстания Муканны являются: краткое известие ат-Табари,¹ краткое известие ал-Бируни,² несколько более полное известие Бар Еврея (Абу-ал-Фарадж)³ и подробное изложение событий в специальной главе, посвященной Муканне в книге Нершахи „История Бухары“.⁴ О Муканне имеются еще упоминания у ал-Якуби,⁵ ибн Мискавейха,⁶ Низам ал-Мулька,⁷ Ибн Халикана и Хамзы Исфahanского,⁸ и других авторов; однако они не заключают в себе ничего, вносящего что-либо ценное по сравнению с упомянутыми выше авторами. В основу исследования вопроса необходимо положить текст Нершахи, корректируя и дополняя его остальными источниками. К сожалению, в тексте Нершахи, в тех рукописях, которые дошли до нас, имеются явно испорченные места. Так, в самом начале рассказа, где дается характеристика и даже биография Муканны, вдруг неожиданно вставлена строка об убийстве в 167 (783—784) г. Муканны халифом Махди.⁹ Это несомненно явная и произвольная вставка переписчика из какого-то другого текста. Так же в начале рассказа, вскоре после строк, где говорится о мервском происхождении Муканны, не согласованно с контекстом, читатель встречает категорическое утверждение, что Муканна был родом из Балха. Взято это из какого-то другого источника и вставлено переписчиком. Не исключена возможность, что при переписке выпали целые фразы, а эти строчки без всякой связи с контекстом остались, как мешающие чтению осколки.

В IX—XI вв. распространены были сочинения, специально посвященные движению Муканны. Нершахи упоминает о книге некоего Ибрахима اخبار مقنع — известия о Муканне.¹⁰ Особенно приходится жалеть об утере книги ал-Бируни под заглавием „Ахбар ал-мубайнда ва-л-карамита“, т. е. „Известия о (людях) одетых в белые одежды и карматах“.¹¹ Сам ал-Бируни говорит, что он перевел какое-то сочинение о Муканне с персидского на арабский язык¹² и изложил его кратко в своей книге. Не есть ли это упомянутое Нершахи сочинение Ибрахима?

Большинство источников сходится в том, что Муканна был родом из селения Каза, лежащего вблизи города Мерва.¹³ Самое слово „Муканна“ является не именем, а прозвищем (лакабом) и обозначает „закрытый

¹ Ат-Табари, III, стр. 484, 494.

² Ал-Бируни. Хронология. Изд. Sachau, 1923, арабск. текст, стр. 210—211.

³ Barhebraeus (Abul-Faradġ). Tarikh-ad-Duwal. Publ. par A. Salhani. Beyrouit, 1890, 217—218.

⁴ Нершахи, перс. текст, 63—74, рукоп. ГПБ УзССР, № 2110, лл. 57—64.

⁵ Ал-Якуби, BGA, VII, стр. 304.

⁶ Рукоп. ГПБ УзССР, № 41, л. 191a (всего 4 строчки, являющиеся кратким пересказом ат-Табари), III, стр. 484, 494.

⁷ Низам ал-Мулька, изд. Schefer, стр. 198—199.

⁸ Хамза Исфahanский. Kavianî, арабск. текст, стр. 141.

⁹ Нершахи, изд. Schefer, стр. 64; в рукоп. ГПБ УзССР, № 2110, в соответствующем месте эти слова отсутствуют, см. л. 57a; пер. Н. Лыкошина, стр. 85.

¹⁰ Уже В. В. Бартольд высказал предположение, что здесь имеется в виду знаменитый поэт Абу Исхак Ибрахим ибн ал-Аббас ас-Сули, ум. в 857/858 г. Он писал также исторические сочинения. См.: В. В. Бартольд. Туркестан, II, стр. 16; здесь же В. В. Бартольд указывает, что автор „Фихриста“, упоминая о другой религиозной секте, также ссылается на это сочинение о Муканне, составленное ас-Сули (Fihrist, стр. 344); Нершахи, пер. Н. Лыкошина, 85.

¹¹ Ал-Бируни. Хронология. Изд. Sachau, 1923, стр. 210—211.

¹² Там же.

¹³ Нершахи, литогр. изд. 1904 г. „Новая Бухара“, стр. 83, перс. текст. У ал-Бируни селение названо Кава Каймардан, но это явная описка, так как Нершахи и Самани дают чтение Каза; Самани, л. 471a. Материалы по истории Туркмении и туркмен, стр. 340.

покрывалом". Настоящее имя его было Хашим ибн Хаким — так его называют Нершахи¹ и ал-Бируни.² Ал-Якуби называет его Хаким-ал-А'вар³ (одноглазый). Нершахи говорит, что Муканна в молодые годы занимался стиркой белья. Не исключено, что он был хозяином прачешной мастерской. Согласно Ибн Халликана его имя было 'Атā, причем по профессии был он валяльщиком.⁴ Однако более осведомленными, чем ибн Халликан, источниками эти данные не подтверждаются.

Вторая половина VIII в. в аббасидском халифате проходила под знаком большого культурного подъема, который достигает своих высот в IX—X вв. Это — время, когда начинает складываться наука на арабском языке — география, история, математика, астрономия, медицина, философия. В создании науки на арабском языке большое участие принимали не только арабы, но иранцы, сирийцы и другие народы. Среди других научных занятий в VIII в. начиналась переводческая деятельность, когда арабизированная (в смысле языка) интеллигенция, главным образом из иранцев и сирийцев, хорошо изучившая арабский язык, но верная культурным традициям сасанидского прошлого, делала переводы на арабский язык с пехлеви, греческого и индийского (санскрит) языков. Вспомним Ибн ал-Мукаффу, переводчика на арабский язык Калилы и Димны, казненного по приказу халифа ал-Мансура (754—775) за сочувствие неомаздакитским течениям и антиаббасидскую пропаганду.

Основная цель всей переводческой деятельности, которая развернулась более всего в первой половине IX в., заключалась в том, чтобы продемонстрировать, как значительна и даже велика была культура тех народов, которых арабы покорили и притесняют, и насколько они, арабы, в культурном отношении ниже персов, сирийцев и других народов. В этом было большое оппозиционное значение всего этого культурного течения. Эта политическая оппозиция владычеству арабов в области культуры и получила наименование Шуубии.

Хотя Муканна в молодости и занимался прачешным ремеслом, однако, благодаря выдающимся своим способностям, много читал, знал, повидалому, пехлеви, арабский и другие языки. Нершахи — типичный феодальный историк, ненавидевший Муканну, склонный поверить всякой клевете на него, сам поносящий его и даже клеветующий на него, должен был признать его образованность. Он говорит, что Муканна серьезно предавался изучению наук, прочел много книг и имел много всякого рода знаний.⁵ Правда, Нершахи приводит небылицы на тему, что Муканна занимался наукой о способах обманывать людей, хорошо изучил разные фокусы⁶ и т. д.

Отца Муканны звали Хаким и был он одним из сархангов эмира Хорасана во времена Абу Джаафара ал-Мансура. Отсюда ясно, что свою политическую деятельность Муканна начал при жизни отца. С первого взгляда может показаться странным, как мог сын сарханга заниматься прачешным ремеслом. Нам, однако, представляется, что неувязки здесь никакой нет. Под сархангом чаще всего в то время подразумевался,

¹ Нершахи, рукоп. ГПБ УзССР, № 2110, л. 57а.

² Ал-Бируни. Хронология. Англ. пер. Sachau, стр. 194.

³ Ал-Якуби BGA, VII, стр. 304.

⁴ Ibn Khallikan.

⁵ Нершахи, изд. Schefer, 64; рукоп. ГПБ УзССР, № 2110, лл. 57а—57; пер. Н. Лыкошина, стр. 85.

⁶ Согласно Низам ал-Мулька, Муканна Мервези, будучи в Мавераннахре, устроил нечто вроде машины, с помощью которой он выводил из-за горы луну; Низам ал-Мулька. Снасет Намэ, изд. Schefer, стр. 198, 199. О фокусах Муканны с луной в г. Нахшабе рассказывает также Закария Казвини, автор XIII в., в своем труде по космографии. Изд. Вюстенфельда, стр. 32.

если судить по ряду контекстов, даже того же Нершахи, военачальник весьма мелкого масштаба, например десятник. Повидимому, он был из народа и выдвинулся еще во время движения Абу Муслима. По словам Нершахи, Муканна так же, как и его отец, был сархангом во времена Абу Муслима. Таким образом, они служили одно время вместе. Все же нельзя не отметить, что в биографии Муканны имеются некоторые неясности, обусловленные, повидимому, испорченностью текста, сосуществованием на одной странице отрывков из разных сочинений.

Указание на то, что Муканна был везирем Абд ал-Джаббара, попало вернее всего из какого-то другого сочинения, где дана несколько иная версия биографии Муканны. Однако само по себе это известие при серьезном к нему отношении не внушает недоверия. Абд ал-Джаббар ибн Абд ар-Рахман ал-Азди, по словам ал-Якуби,¹ был наместником Хорасана, куда был назначен ал-Мансуром (754—775) в 148 (765) г. Географ Якут дает другую дату.² Он указывает, что Абд ал-Джаббар назначен был наместником в 140 (757) г. Датировка Якута более заслуживает доверия, так как, согласно ат-Табари,³ Абд ал-Джаббар ибн Абд ар-Рахман в 757—758 г. казнил арабского правителя Бухары Муджаши ибн Хурейса ал-Ансари из-за его симпатии к Алидам.⁴

В Мерве Абд ал-Джаббар проявил непослушание халифу и отложился от него. В 759 г. ал-Мансур специально отправил своего сына ал-Махди, чтобы захватить мятежного наместника. Ал-Махди разбил Абд ал-Джаббара, отвез его к отцу, который и предал его смерти.⁵

При таких условиях нет ничего невероятного в том, что сарханг Абу Муслима, выдвинувшийся благодаря своим дарованиям, поступил на службу к мятежному хорасанскому эмиру и стал его везирем, одним из главных его чиновников. Произошло это, быть может, еще в том же 759 г. На это время и падает начало проповеднической деятельности Муканны. За участие в мятеже Абд ал-Джаббара и за антиаббасидскую проповедь ал-Мансур приказал его арестовать, привезти в только что построенный Багдад и там посадить его в зиндан (темницу). По словам Нершахи, Муканна просидел в зиндане несколько лет. Из зиндана Муканне все же удалось бежать и он очутился в родном Мерве, где у него было немало друзей. Началом движения принято считать 776 г., причем Муканна очень быстро по возвращении приступил к подготовке восстания.

Нершахи сохранил, повидимому, из отмеченной им книги Ибрахима „Известия о Муканне“ некоторые идеи Муканны, которые он проводил в Мерве. Муканна объявил людям, что он говорит от имени бога, который воплотился в нем, как раньше он воплощался в Адаме, Ное, Ибрахиме (Аврааме), Моисее, Иисусе, Мухаммеде и Абу-Муслиме. Учение о воплощении божества в человеке было использовано Муканной для придания особого авторитета провозглашаемому им учению и предполагаемой им программе действий. Нельзя при перечислении лиц, через которых, по мнению Муканны, бог объявлял истину, пройти мимо имени Абу-Муслима, которого Муканна объявляет ближайшим своим предшественником. Не более 20 лет отделяли смерть Абу-Муслима от выступления

¹ Ал-Якуби, BGA, VII, 303.

² Якут. Географический словарь, изд. Вюстенфельда, IV, 116.

³ Ат-Табари, III, 123.

⁴ В. В. Бартольд. Туркестан, II, 202—203.

⁵ Хамза Исфаханский дает третью дату назначения Абд ал-Джаббара на пост хорасанского наместника — 142 г. хиджры (759—760); согласно тому же автору, ал-Махди захватил мятежного наместника до 144 (761—762) г.; Хамза Исфаханский, ук. соч., стр. 140.

Муканны, а как далеко зашла маздакитская идеализация деятеля, который возглавлял аббасидское движение и ради спасения аббасидов подавил восстание Шерика. С учением о воплощении божества в человеке тесно связано и представление о переселении душ. Ат-Табари определенно говорит, что Муканна проповедывал учение о переселении душ.¹ О том же говорит и Бар Еврей.² Муканна, развивая свою кипучую пропагандистскую деятельность, написал, по словам Нершахи, ряд посланий-писем в разные области, главным образом, в Мавераннахр. К сожалению, имена этих адресатов у Нершахи не сохранились. Во всяком случае, самый факт существования этих адресатов говорит о том, что в Мавераннахре в долинах Кашка-дарьи и Зарафшана имелись люди, сочувствующие учению Муканны, готовые его поддержать и хорошо ему известные. Каждое из этих писем начиналось провозглашением, что бог Адама, Ноя, Моисея, Авраама, Исуса, Мухаммеда, Абу-Муслима теперь воплотился в нем. „Сила, власть, слава, доказательство принадлежат Муканне, повинуйтесь мне и знайте, что мне принадлежит падишахство (да будет он проклят),³ так же как величие и высшая способность творения.⁴ Кроме меня нет другого бога (прах ему в рот). Всякий, кто примет мое учение (присоединится ко мне. — А. Я.), будет в раю, кто не примет его, попадет в ад“.⁵

Является ли приведенная цитата частью подлинного послания Муканны, или это изложение только его содержания, или даже части его содержания, — едва ли возможно решить.

Вместе с письмами Муканна отправил в различные области и пропагандистов (да'и). Опыт первого периода пропаганды убедил Муканну в том, что наиболее благоприятная для восстания ситуация оказалась в Мавераннахре, долинах Кашка-дарьи и Зарафшана. От мысли начать движение в Мерве и его округе ему пришлось отказаться — слишком велики были силы эмира Хорасана, чтобы в такой близости от него поднять восстание, хотя, казалось, опыт гражданской борьбы у тамошнего населения был весьма большой. По словам Нершахи, у Муканны среди его сподвижников был некий Абдулла ибн Амр, по происхождению араб. Повидимому, он был очень близок Муканне, который даже был женат на его дочери. Ему-то и доверил Муканна ответственное дело — начать восстание против аббасидского халифата, против всей системы арабской власти. По приказу Муканны, он переправился через Аму-дарью и появился в долине Кашка-дарьи в городах Нахшебе (ныне развалины вблизи Карши), и Кеше (Шахрисябзе). Здесь среди земледельческого населения, а также среди широких городских кругов его пропаганда имела большой успех; ему удалось привлечь на сторону Муканны огромное количество людей. Особенно много последователей оказалось в Кеше и его окрестностях. Первым селением, которое открыто объявило о своем присоединении к Муканне, было селение Субах в окрестностях Кеша. Характерно, что на сторону Муканны перешло все селение Субах во главе со своим михтаром. Наблюдение над терминологией персидских источников X—XI вв., главным образом, рукописи Туманского и Гардизи, дает право под словом „михтар“, если оно прилагается

¹ Ат-Табари, III, стр. 184. То же утверждает и Ибн Мискавейх, взявший это место у ат-Табари.

² Barhebraeus (Abul-Faradġ). Tarikh- ed- Duwal. Publ. par al-Salhani, Beyrouit, 1930, 217.

³ Вставка с ругательством по адресу Муканны принадлежит Нершахи.

⁴ В рукописи стоит слово كبرداري, л. 586; в изд. Schefer, стр. 64 и в бухарских литографиях کم دکاری, что больше подходит к контексту.

⁵ Нершахи, рукоп. ГПБ УзССР, № 2110, л. 586; изд. Schefer, стр. 65, пер. Н. Лыкошина, 86.

к кочевому обществу, понимать старшину рода или племени,¹ а если оно прилагается к земледельческому оседлому — местного мелкого патриархального владельца небольшого района² или селения, по характеру своих функций близкого старшине сельской общины. В данном случае мы имеем патриархального главу селения Субах. Нершахи сообщает, что восставшие жители этого селения убили своего эмира, по происхождению араба. Повидимому, имеется в виду мелкий арабский чиновник, который, наряду с местным михтаром, осуществлял власть в этом селении.

События в Согде разворачивались с исключительной быстротой. Охватив долину Кашка-дарьи, восстание перекинулось на Зарафшан. Один из крупнейших центров движения наметился в Бухаре и ее окрестностях. Здесь движение поддерживал сам бухар-худат Буниат ибн Тахшада, отказавшийся от ислама и принявший участие в восстании лишь по причине ненависти своей к арабской власти и желания восстановить бухарское владение и его независимость.

По словам Нершахи, для мусульман в Согде настали очень тяжелые времена. Последователи Муканна, носящие имя „людей в белых одеждах“, грабили караваны, нападали на селения, которые не хотели к ним присоединиться, убивали муэззинов в мечетях и других духовных мусульманских лиц.

Когда Муканна убедился, что движение в Согде приняло широкие размеры, он с 36 своими приверженцами появился на берегу Аму-дарьи, чтобы тайно переправиться на мавераннахрский берег. Сделать это было не легко, так как на берегу Аму-дарьи курсировали 100 всадников, специально отправленных хорасанским наместником для поимки Муканна.³

Но он сумел благополучно переправиться через Аму-дарью и направился в Кешский вилайет, который почти целиком был в руках его последователей. В горах Саям, в Хисарском хребте, была большая, хорошо укрепленная крепость⁴ с проточной водой, с деревьями и возделанными полями. Там же, повидимому внутри нее, была другая, еще более сильная крепость, которую Муканна приказал особенно укрепить. В крепость эту Муканна приказал свезти много разного добра и без числа всякого рода провианта. С каждым днем события развивались в пользу Муканна и людей в белых одеждах. Один за другим селения и мелкие города в долинах Кашка-дарьи и Зарафшана переходили на сторону восставших.

Каков же классовый состав людей, на которых, главным образом, опирался Муканна? Из кого набирались основные кадры „людей в белых одеждах“? В основном это были жители селений, которых тогда было много в долинах Кашка-дарьи и Зарафшана. Селения эти были, за редким исключением, укреплены стенами, иногда башнями и мало чем по своему топографическому строению отличались от небольших городов. Каждое из этих селений сохраняло еще своего местного, согдийского по происхождению, владельца. К сожалению, источники не сохранили нам для конца VIII в. облика этих мелких владельцев, носящих в источниках наименование „михтар“. Повидимому, они заключали в себе немало черт патриархального характера, возглавляли сельскую общину, несли перед арабской властью ответственность за сбор с жителей селения

¹ Худуд ал-алем, л. 186; Гардизи. Kitab Zainu'l Akhbar. Ed. by Muhammad Nazim, Berlin, 1928, Browne Memorial Series, I, стр. 63.

² Худуд ал-алем, л. 206. Говорится о михтарах округов Дармашана, Тамарна, Тамазана.

³ Нершахи, рукоп. ГПБ УзССР, № 210, л. 59а; пер. Н. Лыкошина, стр. 87.

⁴ Ук. соч., л. 59б; пер. Н. Лыкошина, там же.

налогов (джизья и харадж), а также за правильное исполнение ими натуральных повинностей. Многие из этих михтаров не покинули в критический момент жителей своих селений и встали в ряды „людей в белых одеждах“. Выше мы уже останавливались на вопросе о положении землевладельческого населения Согда, обитавшего в указанных укрепленных селениях типа Субах. Для согдийских земледельцев 70—80-е годы VIII в. были самым критическим периодом их истории. Старшее поколение хорошо помнило те времена, когда арабы не могли их заставить склонить шеи, чтобы халифские чиновники надели на них унижающие человеческое достоинство печати. Поколение это хорошо помнило, как они вместе с их отцами боялись с арабами, отстаивая не только свою личную свободу, но и независимость своей страны! Потеря личной свободы наиболее хозяйственно слабых групп среди земледельцев имела место и до прихода арабов. Вспомним хотя бы положение кедиверов. Однако в основном земледельцы Согда, жившие в сельских общинах в условиях патриархальной семьи, еще оставались свободными. Лишаемые этой свободы арабской властью, прикрепленные к хараджу и повинностям, согдийские земледельцы начали целыми селениями вступать в ряды сторонников Муканны.

Каково же было отношение согдийской земледельческой знати к движению „людей в белых одеждах“? Здесь сказалась общая политическая линия ее поведения, обнаружившаяся так ярко уже при Насре ибн Сейяре (738—748). Тогда большая часть знати пошла на примирение с арабским халифатом и на службу к нему. Если дехканская знать имела причины быть недовольной омейядами, то теперь, с приходом иранофильствующей аббасидской династии, она не имела никаких оснований быть к ней (за небольшим исключением) в оппозиции. К этому небольшому исключению принадлежал и упомянутый выше бухар-худат Буниат. Как мы увидим ниже, большинство согдийских дехкан помогало арабским военачальникам в ликвидации движения Муканны.

Менее известно нам поведение городского населения. Если купечество и феодальная знать городов, в большинстве своем ставшие уже мусульманами, были целиком на стороне арабской власти, то поведение ремесленников, которых в согдийских городах было уже немало, нам не совсем ясно. Нершахи о ремесленниках упоминает только в связи с организацией большого похода против Муканны, подготовленного Му'азом ибн Муслимом в 161 (777—778) г. Это были специальные мастера¹ военного дела при метательных и стенобитных машинах на стороне арабов. Везти с собой на далекие расстояния эти машины, в силу их большой громоздкости, не было смысла. Надо было иметь лишь мастеров-специалистов да соответствующий инструмент. Другого упоминания ремесленников при описании восстания Муканны у Нершахи и других авторов не имеется.

Успехи „людей в белых одеждах“ произвели на арабов и арабофильствующие элементы весьма сильное впечатление. Из Мавераннахра началась настоящая эмиграция. Появилась группа беглецов, повидимому не такая уж малая, и в столице халифата, Багдаде. По словам Нершахи, аббасидский халиф ал-Мехди (775—785) был настолько обеспокоен событиями, что решил взять в свои руки руководство военными операциями против Муканны. Это решение было обусловлено отчасти тем, что в высших кругах аббасидского общества было опасение, что ислам может погибнуть, а учение Муканны победить. Ал-Мехди собрал большое, хорошо вооруженное войско, которое и отправил в Мавераннахр.

¹ Нершахи, рукоп. ГПБ УзССР, № 2110, л. 636; изд. Schefer, стр. 70.

С другим же войском отправился сам в Нишапур, оттуда и решил руководить подавлением восстания.

Муканна, будучи человеком умным и дальновидным, не мог не понимать, что ему придется иметь дело с противником, технически более сильным, чем его отряды. Вот почему он входит в сношения с тюрками и призывает их себе на помощь. Тюркам-кочевникам не впервые было поддерживать согдийцев в их борьбе с арабами. Их влекло в борьбу прежде всего стремление получить большую добычу. Муканна, учитывая эту сторону дела, и разрешал кочевникам грабить мусульманские караваны, нападать на жилища мусульман, захватывать их имущество, жен и детей.

После захвата долины Кашка-дарьи, что потребовало очень немного времени, „люди в белых одеждах“ наибольшую активность проявили в Бухарском районе. Нершахи рассказывает, что они напали в 159 (775—776) г. на селение Нумучкет. По правильному предположению В. В. Бартольда, здесь описка переписчика: не Нумучкет, а Бемичкет,¹ селение, находившееся вблизи Бухары. Население Бемичкета в большей своей части было повидимому арабским, во всяком случае арабофильски настроенным. По словам Нершахи, повстанцы вечером ворвались в мечеть и убили муэззина вместе с пятнадцатью людьми; за дальнейшее сопротивление были убиты и остальные жители.

В Бухаре были очень обеспокоены развивающимися успехами Муканны. Мусульманские круги города видели необходимость быстрой и решительной борьбы, так как уже в самой Бухаре имелись элементы, готовые его поддержать. Среди бухарцев большую роль играл некий Хаким ибн Ахмед, ярый последователь Муканны. Он был главным руководителем „людей в белых одеждах“ бухарского района.² Нершахи приводит имена трех его помощников. Двое из них сарханги Хашари или Хишри³ (чтение здесь неясно) и Багы. Оба они были сархангами у Хакима ибн Ахмеда и происходили из кешка (замка) Фузайла, повидимому находившегося где-то в окрестностях Бухары. Третьего сарханга называли Гурдак и был он родом из Гыждувана. Судя по их именам, они были согдийцы. Повидимому, они демонстративно отказывались от арабских имен и называли себя согдийскими именами. Не отрицая за ними несомненных достоинств, Нершахи из ненависти к движению говорил, что они были айарами, т. е. бродягами, скороходами и мошенниками. Как мы увидим ниже, люди эти сыграли немалую роль в успешной обороне укрепленного селения Нершах, родом из которого был и сам автор „Истории Бухары“.

Бухарой Муканне овладеть не удалось, что мешало закрепить власть над бухарским вилайетом, который в большей своей части был захвачен „людьми в белых одеждах“. Наиболее укрепленным селением последних в окрестностях Бухары было селение Нершах.

Уже отмечалось, что в VIII в. не было существенной разницы между селением и городом (тогда шахристан). В том и в другом случае мы имеем однородное явление как в топографической, так и в социальной структуре. Различие было только в размерах. Селение по площади своей, как правило, было меньше шахристана. Владетелем Нершаха была женщина, покойный муж которой, Шараф, был сархангом у Абу Муслима. Последний за что-то его убил, и вдова пошла против аббасидов и стала на сторону Муканны.⁴ Если даже допустить, что она и не была

¹ См. прим. 1 к переводу Нершахи Н. Лыкошина, стр. 88.

² Нершахи, рукоп. ГПБ УзССР № 2110, л. 60а.

³ Н. Лыкошин в своем переводе прочел как Хишри. Нершахи, русск. пер., стр. 88.

⁴ Нершахи, рукоп. ГПБ УзССР, № 2110, л. 63а, изд. Schefer, стр. 69.

идейной сторонницей учения последнего, то во всяком случае горела к аббасидам общей с последователями Муканны ненавистью. Нершах обладал хорошо укрепленной стеной с башнями. В Нершахе у „людей в белых одеждах“ был большой гарнизон. Когда они здесь хорошо укрепились, представители арабской власти в Бухаре поняли всю опасность, им угрожающую: из Нершаха всегда могли начать наступательные действия против Бухары. Между Нершахом и войсками аббасидов начались столкновения. В это время эмиром Бухары был Хусейн ибн Му'аз, а кадием — Амр ибн Имран. С большим войском мусульмане подошли к стенам Нершаха в раджабе 159 (апрель 776) г. Кадий Амр ибн Имран предложил сделать попытку убедить последователей Муканны отказаться от заблуждений и вернуться в лоно ислама. „Люди в белых одеждах“ не хотели и слышать о позорной сдаче. Столкновения возобновились. После жестокого и долгого сражения последователи Муканны были разбиты, убитыми они потеряли 700 человек, большинство бежало. Им пришлось принять мир на условиях, которые были предложены победителями. В соответствии с заключенным договором, повстанцы обещали разойтись по своим селениям, подчиниться законным эмирам, не грабить мусульман по дорогам, не нападать на их дома и стать вновь мусульманами. Договор был скреплен подписями именитых бухарцев в знак того, что победители не будут преследовать повстанцев. Однако не успели мусульманские воины вернуться в Бухару, как последователи Муканны вновь подняли восстание. Вновь окрестности Бухары были в их руках. Махди, очень обеспокоенный ходом борьбы, направил для борьбы с Муканной Джабраила ибн Яхью. Ат-Табари рассказывает, что он еще в 158 (775) г. был отправлен наместником в Самарканд. Отсюда Джабраил ибн Яхья был переведен в Бухару и Кеш, так как ему было дано задание разгромить „людей в белых одеждах“ в бухарском вилайете и долине Кашка-дарьи. Согласно Нершахи, Джабраил ибн Яхья подошел с войском к Бухаре и разбил лагерь у Самаркандских ворот, т. е. сейчас же на север от города. Повидимому вначале он не собирался вести борьбу на бухарской территории, а намеревался с войском направиться в самое сердце восстания — в Кешский район. Однако бухарский эмир уговорил его не уходить, а остаться и совместно с ним покончить с ненавистными „людьми в белых одеждах“ в Бухаре, чтобы потом вместе же итти против самого Муканны, который был в это время на Кашка-дарье. Джабраил ибн Яхья согласился с его доводами и остался.

Последователи Муканны тем временем не дремали. Было только начало лета, даже хлеб еще не созрел на окрестных полях. Восставшие всеми способами укрепляли Нершах, свозили в него захваченный с полей и еще зеленый колос и готовились к упорной борьбе. Нершахи обстоятельно и вместе с тем красочно описывает осаду Нершаха. Джабраил ибн Яхья приказал вырыть вокруг крепостных стен селения ров на расстоянии от них немногим больше 50 гязов¹ (локтей). Во рву он и разместил свое войско. „Люди в белых одеждах“ в течение четырех месяцев почти непрерывно делали вылазки и из происходивших столкновений почти всегда выходили победителями. Обороной Нершаха руководили энергичные и талантливые люди. Это были упомянутые выше четыре согдийца Хаким ибн Ахмед, носивший уже мусульманское имя, и три его помощника сарханги — Хишри (Хашари), Багы и Гурдак. Осаждающие за четыре месяца неудачной осады убедились, что без подкопа не взять

¹ Нершахи, рукоп. ГПБ УзССР, № 2110, л. 616—62а, изд. Schefer, стр. 68, пер. Н. Лыкошина, стр. 90.

крепости. Нершахи дает классическую картину описания саперных работ, на которую давно обратили внимание археологи, считающие, что при помощи этих сведений Нершахи можно будет понять военную технику при взятии городов-крепостей VIII—IX вв.

Мусульмане начали рыть глубокий ров от своего лагеря к крепостной стене Нершаха. Работы производились под покровом ночи. Пройденный участок рабочие укрепили деревянными столбами, на которые поставили настил из хвороста, камыша и земли, маскируя таким образом подкоп. Когда последний на протяжении 50 гязов (локтей) был подведен под одну из основных башен вблизи ворот, Джабраил ибн Яхья отдал распоряжение наложить побольше дров, облить нефтью и поджечь. Однако огонь не разгорался вследствие того, что ветер не мог проникнуть в почти закупоренное помещение. Тогда решено было поставить манджаники, т. е. большие камнеметные машины, прямо против той башни, под которую был подведен подкоп. Манджаники были приведены в действие; в башне образовался большой пролом, давший обвал в подкоп; ветер проник в открытый проход, и огонь очень быстро охватил все сооружение. В результате всего этого в стене, окружавшей Нершах, произошел большой обвал; воины Джабраила ибн Яхьи ворвались в селение, на улицах которого и произошел рукопашный бой. На этот раз „люди в белых одеждах“ не выдержали натиска превосходящих сил противника и были разбиты. Арабы предложили им мир на прежних условиях. По договору, они должны были сложить все свое оружие; однако некоторые этого не сделали и, покидая крепость, спрятали оружие. Арабам удалось схватить талантливого начальника обороны Нершаха — Хакима ибн Ахмеда. Джабраил ибн Яхья отдал его своему сыну Аббасу с приказанием тайно его убить. Последователи Муканны зорко следили за поведением арабов, схвативших Хакима ибн Ахмеда, видели, как Аббас ибн Джабраил увел его в одну из палаток своего лагеря, и подозревали плохое. Они немедленно отправили Хашари (Хишри), который был близок с Хакимом, к Джабраилу с требованием вернуть им Хакима; в противном случае они угрожали вновь восстать. Не успел Хашари (Хишри) потребовать у Джабраила освобождения Хакима, как появился Аббас и заявил, что он выполнил приказание отца и убил последнего. Вслед за этими словами он приказал стащить Хашари с лошади и убить его. Известие о коварном убийстве двух наиболее уважаемых вождей резко повернуло настроение последователей Муканны. Они обнажили оружие и вновь начали бой. Это была жаркая битва у стен захваченного арабами Нершаха. Силы, однако, были неравные, и героически отстаивавшие свою независимость защитники Нершаха были разбиты. Многие из них были убиты, остальные разбежались.

Джабраил жестоко расправился с упомянутой выше владельницей Нершаха. Он приказал разрубить ее надвое. Среди сражающихся погиб и Багы, один из помощников Хаким ибн Ахмеда. Спасася только Гурдак. Скрывшись от своих преследователей, он направился к Муканне, чтобы сообщить ему печальную весть и встать в его ряды.

Потеря Нершаха нанесла, конечно, большой удар делу Муканны, однако решающего значения в ходе борьбы не имела. Все же Муканне пришлось расстаться с Бухарским районом. Борьба переносилась теперь в другие места. В долине Кашка-дарьи во главе „людей в белых одеждах“ стоял сам Муканна. В собственном Согде, т. е. в долине среднего течения Зарафшана, во главе восставших стоял согдиец с именем Согдиан,¹

¹ Нершахи, рукоп. ГПБ УзССР, № 2110, л. 63а; пер. Н. Лыкошина, стр. 91. В бухарской литографии имя это читается как Саад Согдиан; литогр. изд. „Новая Бухара“, 1904 г., стр. 91, перс. текст.

назначенный самим Муканной. В виду больших успехов, одержанных здесь „людьми в белых одеждах“, Джабраил ибн Яхья изменил свое решение отправиться в Кешский район и со своими войсками передвинулся в Согд, где почти все селения присоединились к упомянутому выше Согдиану. Джабраил ибн Яхья поставил своей главной целью в Согде взять Самарканд. Борьба в Согде была особенно трудна для арабов, так как им пришлось иметь здесь дело не только с фанатической ненавистью последователей Муканны, но и с большим количеством тюрок, вероятно карлуков, пришедших главным образом из Семиречья.

Борьба, разгоревшаяся в Согде, была как бы вторым этапом всего движения. Здесь обе стороны сосредоточили максимальные силы. На этом этапе классовое расслоение обнаружилось резко всего. Оно как нельзя лучше всего может быть прослежено на организации большой армии против Муканны. Армию эту готовил Му'аз ибн Муслим. В 161 (777—778) г. он, после взятия Нершаха, из Мерва переехал в Бухару и обратился за помощью к местной землевладельческой знати — бухарскому дехканству. Дехканы призвали всех способных носить оружие. Нершахи приводят цифру явно преувеличенную. Он говорит о 570 тыс. человек. Весьма важно, что автор „Тарихи Бухара“ здесь не при чем, цифра эта появилась в результате ошибки переписчика. Армию свою Му'аз ибн Муслим тщательно подготовил, стараясь снабдить ее всеми видами техники своего времени. Он собрал 3000 мастеров разных специальностей с соответствующим инструментарием и приказал изготовить камнеметные и стенобитные машины. С этим войском Му'аз направился в Согд, так как Джабраил собственными силами ничего не мог сделать с „людьми в белых одеждах“, хотя один из бухарцев и убил вождя согдийских повстанцев упомянутого выше Согдиана. Если в районе Бухары главным контингентом войска, сражавшегося с Муканной, были арабы, то в Согде картина значительно изменилась. Армия Му'аз ибн Муслима была больше чем наполовину составлена из отрядов, приведенных, как мы видели выше, дехканской знати. К сожалению, Нершахи очень мало говорит о поведении бухар-худата Буниата. Однако и то, что он рассказывает о нем, дает нам право считать, что Буниат оказывал восставшим деятельную поддержку. Так, по крайней мере, бухарский сахиб-берид (заведующий государттвенной почтой) доносил тайно халифу ал-Мехди.¹

„Люди в белых одеждах“ деятельно готовились в Согде (под ним в то время необходимо понимать долину Зарафшана от Кермине до Пянджикента) к обороне. Их союзники — турки энергичными, умелыми набегами все время тревожили подвоз провианта в лагерь Му'аз ибн Муслима. Когда Саид — эмир Герата — пригнал с собой 10 тыс. баранов для продовольствия правительственных войск, турки сумели на левом берегу Зарафшана между шахристанами Арбинджаном и Зерманом отбить всех баранов и угнать их с собой в качестве добычи.

Халиф ал-Мехди нервничал в связи с затяжным характером войны и всячески торопил своих подчиненных. В результате всего этого произошла почти полная смена командования. Му'аз ибн Муслим обратился с просьбой об отозвании его. Наместником Хорасана был назначен Мусейяб ибн Зухейр ад-Дабби. Прибыл он в Мерв в месяце Джумаде первом (январь — февраль) 163 (780) г., откуда вскоре отправился в Бухару, куда приехал в Раджабе того же года (март — апрель). В Бухаре в это время эмиром был Джунейд ибн Халид. Мусейяб перевел Джунейда в Хорезм, так как был недоволен его бездеятельностью, в отно-

¹ Н е р ш а х и, пер. Н. Лыкошина, стр. 17.

шении к последователям Муканны. В это время в Бухаре и бухарском округе „люди в белых одеждах“ не без помощи бухар-худата Буниата вновь подняли голову. Особенно энергичную деятельность здесь проявлял один из сархангов Муканны некий Кулартегин, по происхождению тюрок, имевший в своем распоряжении, повидимому, хорошо вооруженный отряд из конных тюрок и последователей Муканны. Мусейябу пришлось выдержать с ним не одну стычку.

К сожалению, источники не дают нам сведений о дальнейшем ходе борьбы в долине Зарафшана. Нершахи на эпизоде с Кулартегином прерывает свой рассказ о событиях в собственном Согде (долина среднего Зарафшана) и переводит свое внимание на Кешский район, т. е. переходит и изложению третьего этапа борьбы, связанного, главным образом, с осадой крепости Муканны в горах Санам. Ат-Табари, хотя и не излагает самих событий борьбы, однако вкратце сообщает, что ал-Мехди специально для борьбы с Муканной назначил Саида ал-Хараши.¹ Об этом назначении упоминает ал-Якуби.² Саид ал-Хараши, повидимому, был подчинен в своих действиях Мусейябу ибн Зухейру, который оставался наместником Хорасана по 166 (782—783) г. Когда точно закончил он очищение долины Зарафшана от „людей в белых одеждах“ и как это произошло, мы не знаем. Нам известны только результаты: согдийское крестьянство этой цветущей области он вновь подчинил арабской власти и крепко связанной с ней согдийской земледельческой знати.

С именем Саида ал-Хараши связан и третий этап борьбы — покорение Кашка-дарьинской долины и осада крепости Муканны в горах Санам. Нершахи Саида ал-Хараши называет эмиром Герата.³ Быть может, это действительно тот самый эмир, который привел Мусейябу ибн Зухейру 10 тыс. баранов из своей области.

Нершахи говорит, что осада длилась 14 лет;⁴ цифра эта явно преувеличена; как мы увидим ниже, такой знаток Муканны, как ал-Бируни говорит, что все движение продолжалось 14 лет;⁵ другие источники приводят еще меньшие цифры. Нершахи дает интересное описание крепости Муканны. Собственно говоря, здесь были две крепости — одна внутри другой. Наружная крепость имела хороший источник воды, здесь росли деревья, имелись посевы, по площади своей она была достаточно вместительной. Внутри ее на скале помещалась внутренняя крепость — цитадель, где и жил со своими близкими и своей стражей Муканна. В наружной крепости у него было хорошее и большое войско, хорошо снабженное провиантом.

Саид ал-Хараши видел трудности осады в виду неприступности крепости и хорошего снабжения ее продовольствием и водой. Вот почему он из своего лагеря у ворот крепости устраивает настоящий военный городок, где можно жить летом и зимой. Он построил здесь немало домов и даже бани, где его воины могли бы мыться.⁶

К сожалению, в дальнейшем рассказ Нершахи о последних минутах Муканны носит характер почти легендарный. После долгой осады Саид ал-Хараши взял крепость. В источниках нет согласия по вопросу о последних минутах Муканны. Согласно ат-Табари, Муканна, когда увидел неизбежную гибель, выпил яду.⁷ Ворвавшись в крепость, мусульмане нашли

¹ Ат-Табари, III, 484, 494.

² Ал-Якуби, BGA, VII, 304.

³ Нершахи, рукоп. ГПБ УзССР, № 2110, л. 66а.

⁴ Там же.

⁵ Ал-Бируни. Хронология, арабск. текст, изд. Sachau, 1878, стр. 211.

⁶ Нершахи, ук. рукоп., л. 66а.

⁷ Ат-Табари, III, 494.

труп, отрубили голову и доставили халифу ал-Мехди, который в это время был в Халебе.¹ Согласно Нершахи, Муканна сжег себя в печи.² Бар Еврей (Абу-л-Фарадж), так же как и Нершахи, рассказывает, что Муканна, убедившись в предстоящей гибели, заставил выпить яд всех своих близких — мужчин и женщин, а сам сжег себя в печи. В сочинении „Хронология“ ал-Бируни, касаясь смерти Муканны, приводит две противоречивые версии. Согласно одной, Муканна был убит, по другой — он сам сжег себя. Нершахи приводит две даты смерти Муканны — одна в 166 (782—783) г.,³ другая — в 167 (783—784) г.⁴ По словам ал-Бируни, это произошло в 169 (785—786) г.⁵ Если дата ал-Бируни верна, тогда смерть Муканны произошла не при Мусейябе ибн Зухейре, так как он был отстранен в 783 г., а при следующем наместнике Фадле ибн Сулеймане ат-Туси. У Бар Еврея (Абу-л-Фараджа) приводится небезинтересная деталь: Муканна будто бы обещал людям, что, в случае гибели, он примет образ седого человека на сером битюге, явится в один из годов к своим последователям и завладеет землей.

Взятием укрепленной резиденции Муканны и смертью последнего движение не было окончательно разгромлено. Смелые „люди в белых одеждах“ то там, то тут подымали восстание. Бар Еврей заканчивает свой рассказ о Муканне словами, что последователи Муканны, после его смерти, ожидали его возвращения.⁶ Ал-Бируни отмечает, что движение Муканны держалось 14 лет. Собственно говоря, ал-Бируни даже говорит решительнее: „Он (Муканна) рассеял войска ал-Мехди и правил 14 лет“,⁷ как бы желая этим сказать, что в годы движения не арабы, а Муканна правил в Мавераннахре. Если цифре ал-Бируни и можно доверять, то лишь в том смысле, что отдельные вспышки движения имели место в разных районах Мавераннахра и после 783 г. „Люди в белых одеждах“ еще долгое время, вплоть до XII в. включительно, вели пропаганду в селениях Кешского (Шахриябского) и Нахшебского (Каршинского) вилайетов.⁸

¹ Ал-Бируни. Хронология. Изд. Sachau, 1878, стр. 21; англ. пер. Sachau, стр. 194.

² Нершахи, изд. Schefer, стр. 73.

³ Нершахи, пер. Н. Лыкошина, 17.

⁴ Там же, стр. 85.

⁵ Ал-Бируни. Хронология. Изд. Sachau, 1878, стр. 211; англ. пер. Sachau, стр. 194.

⁶ Barhebraeus, стр. 218.

⁷ Ал-Бируни. Хронология. Изд. Sachau, 1878; англ. пер. Sachau, стр. 194.

⁸ Нершахи, изд. Schefer, стр. 74.